

А. А. НАЗАРЕВСКИЙ

„Задонщина“ в исследованиях последнего десятилетия

Так называемая «Задонщина» — одна из исторических воинских повестей о разгроме объединенными русскими войсками полчищ Мамайя на Куликовом поле в 1380 году. Из всех исторических повествований на эту тему она наиболее близка к «Слову о полку Игореве» — не только своим содержанием, идейной насыщенностью, но и особенностями стиля, имея большое количество прямых отголосков стилистики и поэтических образов «Слова». Не удивительно, что сравнительное изучение обоих памятников началось сразу же после открытия и первой публикации одного из списков «Задонщины» в 1852 году¹ и продолжается буквально до наших дней, особенно оживившись в послевоенные годы.²

Однако в течение очень долгого времени даже в советском литературоведении «Задонщина» привлекала внимание исследователей главным образом, а иногда и почти исключительно, именно своей близостью к стилистике и лексике «Слова о полку Игореве», степенью своей зависимости от него, многие же вопросы, касающиеся «Задонщины» непосредственно, оставались на втором плане или вовсе почти не затрагивались.

Так до самого недавнего времени было очень мало сделано для выяснения вопроса о первоначальном виде «Задонщины», о ее первоначальном авторском тексте и дальнейших его изменениях; не раскрыты были в достаточной мере ее идейное содержание и направленность; не выяснен был вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов «Задонщины» и некоторые другие.

Целью настоящей статьи и является — пересмотреть ряд вопросов, связанных с «Задонщиной», и подвести известные итоги ее изучению, главным образом за советское время, выделяя преимущественно те проб-

---

¹ Временник Московского общества истории и древностей российских, кн. 14, М., 1852, Материалы (список середины XVII века, собр. Ундольского, № 632).

² Перечень статей, посвященных «Задонщине» за время с 1852 по 1947 год, см.: В. П. Адрианова-Перетц: 1) Задонщина. Текст и примечания. Труды ОДРА, V, 1947, стр. 194—195; 2) Задонщина. (К вопросу о реконструкции авторского текста). Известия АН СССР, ОЛЯ, VI, вып. 2, 1947, стр. 95—100; 3) Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). Труды ОДРА, VI, 1948, стр. 201—232. — В. Ф. Ржига. Слово Софония рязанца о Куликовской битве («Задонщина»). Ученые записки Московского Гос. педагогического института им. В. И. Ленина, т. XLIII, Кафедра русской литературы. — Задонщина. Под ред. С. К. Шамбинаго. ГИХЛ, М., 1947, стр. 37—45. — Воинские повести древней Руси (Сер. «Литературные памятники») Под ред. В. П. Адриановой-Перетц М.—Л., 1949, стр. 33—41, 143—165, 255—258, 269—272, 269—305 (см. рецензию Н. К. Гудзия: «Советская книга», 1950, № 3, стр. 109—112).

лемы, которые не нашли еще окончательного решения или еще недостаточно освещены.

* * *

Для того чтобы иметь возможность судить о содержании произведения, его идейной направленности, художественных средствах и т. д., необходимо прежде всего точно знать его текст, как первоначальный, так и в последующих видоизменениях, для чего надо установить этот текст и выснить его дальнейшую историю.

Таким образом проблема текста «Задонщины» является первым и неизбежным этапом в изучении памятника.

Нельзя сказать, чтобы наличные рукописные данные благоприятствовали разрешению этой проблемы.

Как известно, сохранилось шесть рукописей XV—XVII веков, содержащих — далеко не с одинаковой полнотой — текст «Задонщины», причем только три из них могут быть названы более или менее полными,¹ один сохранил только первую половину текста памятника,² а два остальных представляют отрывки.³ Кроме того, отдельные вставки из «Задонщины» вошли в текст так называемого «Сказания о Мамаевом побоище» разных редакций.

Надо отметить еще, что все известные списки «Задонщины» плохо сохранили текст памятника и изобилуют многочисленными ошибками, нередко даже грубыми искажениями (особенно *К-Б* и *С*).

Первую по времени попытку восстановить текст «Задонщины» в его полном и более или менее исправном виде сделал еще в 1858 году И. И. Срезневский в своей работе «„Задонщина“ великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его Володимера Андреевича»,⁴ в которой он издал сводный текст памятника на основании только что открытого тогда списка Кирилло-Белозерского монастыря (*К-Б*) второй половины XV века и ранее уже известного списка Ундольского (*У*) середины XVII века, исходя из правильной предпосылки, что раз оба известные списка «Задонщины» — и *К-Б* и *У* — явно испорчены во многих местах, то «Задонщину» следует читать, «дополняя один список другим».⁵ Текст первого списка Срезневский взял за основу, а из списка *У* добавил некоторые дополнения и вторую часть, полностью отсутствующую в *К-Б*.

Почти через 50 лет, в работе С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище»⁶ была сделана новая попытка реконструкции текста «Задонщины». Исследователь, располагавший, кроме двух известных Срезневскому, еще одним списком «Задонщины», так называемым Синодальным. XVII века (условно — *С*), на основании изучения всех трех списков, а также используя отрывки «Задонщины», вошедшие в различные редакции «Сказания о Мамаевом побоище», «представил предположи-

¹ В сборнике ГИМ № 2060, конца XVI—начала XVII века; в сборнике Ундольского (БЛ) № 632, середины XVII в.; в сборнике бывш. Синодальной библиотеки (ныне ГИМ) № 790, XVII века. В дальнейшем они условно обозначаются буквами — *И-1*, *У*, *С*.

² В сборнике Кирилло-Белозерского монастыря № 9/1086, 1470-х годов (условно — *К-Б*).

³ В сборнике ГИМ № 3045 (условно — *И-2*), конца XV—начала XVI века; в сборнике БАН СССР I.4.1 (так называемый Ждановский сборник), второй половины XVII века (условно — *Ж*).

⁴ Известия по РЯС, VI, 1858, стлб. 344—352.

⁵ Там же, стлб. 339.

⁶ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Сборник ОРЯС, т. 81, № 7, 1906, стр. 119—128.

тельно текст, Поведения (так С. К. Шамбинаго называет «Задонщину», — А. Н.) в исправленном виде».¹

В настоящее время обе первые попытки восстановить первоначальный полный текст «Задонщины» путем «сведения» ее отдельных списков уже совершенно не могут считаться удовлетворительными — как по крайне ограниченному числу использованных списков (два у Срезневского и три у Шамбинаго), так и по самой методике работы. С. К. Шамбинаго, например, указав, что «оригинал Поведения (т. е. «Задонщины», — А. Н.) восстанавливается из сличения всех списков и отрывков»,² совершенно не обозначает, какой список он кладет в основу своего «предположительного», «исправленного» текста «Задонщины», откуда берет исправления и дополнения к нему, чем руководствуется при выборе того или другого чтения.

Столь же неудачной является повторная попытка С. К. Шамбинаго дать восстановленный текст «Задонщины», предпринятая им в популярном издании 1947 года и рассчитанная на «широкий круг читателей».³ Здесь «для восстановления текста приняты во внимание не только три полных списка, но все решительно отрывки, находящиеся в „Сказании“, и рукописи, содержащие неполные тексты. . . Никаких личных привнесений в напечатанный текст не сделано».⁴ Однако поскольку и здесь нет никаких указаний на то, какой список положен в основу издания, из каких списков и какие именно взяты дополнения и поправки и т. п., настоящий сводный текст является еще более «слепым» и текстологически не мотивированным, чем текст в исследовании С. К. Шамбинаго 1906 года.

За последние годы к вопросу о первоначальном виде «Задонщины», объеме и составе ее авторского текста не раз обращалась В. П. Адрианова-Перетц, которой принадлежит ряд ценных работ по изучению этого памятника. Ниже будет подробно рассмотрена каждая из этих работ.

В работе 1947 года «„Слово о полку Игореве“ і „Задонщина“»⁵ В. П. Адрианова-Перетц выделяет в «Задонщине» ее основную часть, которая «опирается на стилистическую канву Слова о полку Игореве»⁶ и, таким образом, является древнейшей. Это — «художественный рассказ о важнейших моментах подготовки к Куликовской битве, о первом, тяжелом для русского войска эпизоде боя, об общем горе, им вызванном, потом о неожиданном для Мамаея появлении из засады полков князя Боброка-Волынского, о поражении татаро-монгольских войск и об отчаянии остатков их, бежавших с поля боя».⁷ Вступление и заключительную часть «Задонщины», а также некоторые отдельные места и эпизоды, стилистически не связанные или почти не связанные со «Словом о полку Игореве», В. П. Адрианова-Перетц считает позднейшими добавлениями другого лица (редактора).

Так как основная часть «Задонщины», построенная на стилистической канве «Слова о полку Игореве», не сохранилась полностью и в исправном виде ни в одном из имеющихся на сегодня списков, она может быть восстановлена «лишь при помощи отбора отдельных более сохранившихся чтений из разных списков — полных и неполных».⁸

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. Сборник ОРЯС, т. 81, № 7, 1906, стр. 119 (разрядка С. К. Шамбинаго).

² С. К. Шамбинаго, ук. соч., стр. 134

³ Задонщина. ГИХЛ, М., 1947, стр. 41.

⁴ Там же, стр. 43.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» і «Задонщина» «Радянське літературознавство», Київ, 1947, № 7—8, стр. 135—186.

⁶ Там же, стр. 137 (все цитаты из этой статьи даются в русском переводе).

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 140

В. П. Адрианова-Перетц приводит в своей работе 90 отдельных выдержек из «Слова о полку Игореве», к которым есть близкие места (заимствованные из «Слова») в различных списках «Задонщины», причем таких заимствований или отголосков «Слова» оказывается в наиболее исправном списке *И-1* — 87, в списке *У* — 80, в списке *С* — 74. Древнейший список *К-Б* имеет 47 параллелей к приведенным 90 цитатам из «Слова о полку Игореве», но если мы примем во внимание, что текст его сильно сокращен и обрывается почти на половине предположительно восстановливаемого оригинала, то надо думать, что в полном своем виде и он обнаружил бы не меньшее, а может быть, даже и большее количество совпадений со «Словом», чем три других списка.

Таким образом, наблюдения над приведенными в работе В. П. Адриановой-Перетц параллелями из «Слова» и «Задонщины» показывают, что по общему количеству совпадений, по насыщенности поэтической фразеологией «Слова о полку Игореве» все указанные только что списки занимают более или менее равное положение. Что же касается качества отдельных совпадающих со «Словом» чтений и частоты их повторения в различных списках «Задонщины», то тут, конечно, имеем значительные различия.

В соответствии с наличием трех более или менее полных списков «Задонщины» и четвертого с половинным текстом в большинстве случаев однородные чтения-параллели к «Слову» встречаем в перечне В. П. Адриановой-Перетц то в трех, то в четырех списках: в трех списках — 30 раз, в четырех — 40 раз. Семь раз встречаем однородные чтения — отголоски «Слова» даже в пяти списках, это в тех случаях, когда соответствующие места сохранились в небольшом отрывке «Задонщины» в списке *И-2*. Но есть и такие стилистические отголоски «Слова», которые сохранились только в двух, а иногда даже только в одном списке «Задонщины». В перечне В. П. Адриановой-Перетц имеется 11 случаев, когда то или иное заимствование из «Слова о полку Игореве» сохранилось в двух списках, и всего 2 случая, когда отголосок «Слова» уцелел лишь в одном списке «Задонщины»: «свистом поля перегороди» (*К-Б*) и «стреляй, князь великий, поганого Мамаю за землю Рускую» (*И-1*).

Нельзя не согласиться с В. П. Адриановой-Перетц, что при выборе чтений для восстановления оригинала, или, как она говорит, первой редакции «Задонщины», есть все основания опираться на использованный автором текст «Слова»: едва ли текст «Задонщины» вторично украшался образами «Слова» или поэтические приемы «Слова», ранее внесенные Софонией в его произведение в измененном виде, кто-то восстанавливал позже в их подлинной, первоначальной форме. Поэтому при реконструкции авторского текста из нескольких вариантов в различных списках «Задонщины» выбираются те, «которые ближе передают стиль Слова о полку Игореве».¹

В основу гипотетически восстановленного В. П. Адриановой-Перетц первоначального текста «Задонщины» положен список *И-1* (без заглавия, вступления и последнего обращения великого князя к брату) конца XVI—начала XVII века, добавления же и исправления внесены в него из списков *К-Б*, *У*, *С*, *И-2* и *Р*². Все эти добавления и исправления отмечены в тексте и оговорены в примечаниях под строкой. Таким образом,

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 149.

² Сборник Румянц. № 378, XVII века — «Сказание о Мамаевом побоище» со вставками из «Задонщины».

в этом издании впервые сделано то, чего недоставало в предшествующих работах и отсутствие чего в значительной мере обесценивало прежние попытки реконструкции текста «Задонщины». Для наглядности и удобства сопоставлений восстановленного текста с его основным источником — «Словом о полку Игореве» — соответственные параллели из «Слова» приведены тут же, на каждой странице под строкой.

Как уже было отмечено выше (см. стр. 548), В. П. Адрианова-Перетц считает древнейшей, принадлежащей автору (Софонии) лишь основную, центральную часть «Задонщины», которая «опирается на поэтическую фразеологию Слова о полку Игореве»;¹ она и составляет первоначальный объем памятника, его первую редакцию. Находящиеся же в ряде списков «Задонщины» предисловие, рассказ о бегстве Мама в Кафу и заключительная речь великого князя «на костях» к уцелевшей дружине, включающая иногда также перечень убитых воевод, отличающиеся от основной части стилистически, по мнению В. П. Адриановой-Перетц, — позднейшего происхождения и являются типичными особенностями новой, второй редакции «Задонщины». Главный источник этих добавлений — одна из редакций «Летописной повести» о Мамаевом побоище, откуда взяты также более мелкие редакторские вставки, имевшие целью приблизить стиль «Задонщины» к приемам московского исторического повествования XV века. Вставки последнего типа пополнили текст Софонии — «более поэтический, нежели конкретно-содержательный»² — фактическими подробностями, внесли элемент религиозной чувствительности в характеристику великого князя и значительно сгустили краски в изображении картины боя.

Считая, что последние вставки действительно могут быть делом позднейшего редактора или переписчиков «Задонщины», я не могу согласиться с тем, что «обрамление» этого памятника — его замечательное в идейном отношении вступление, подлинный идейный стержень произведения, и пространное заключение — является позднейшим по времени и не принадлежит самому автору «Задонщины». Неужели «Задонщина» в ее первоначальном виде была создана буквально без начала и без конца? Она не могла начинаться словами «Лутче бо[нам] есть, братие, нача[ти]. . .», как когда-то начиналось «Слово о полку Игореве», — это противоречило бы и логике, и художественному чутью, которые, бесспорно, были у Софонии.

По поводу вступления в «Задонщине» В. П. Адрианова-Перетц говорит: «Поставив себе целью дать историческое вступление к повести о Куликовской битве, редактор обратился к летописным рассказам о прошлом».³ Но почему такую цель не мог поставить себе автор повести? Почему он сам не мог обратиться к летописным рассказам о прошлом? Неужели Софония мог не дать своего предисловия, определяющего его точку зрения на события?

Точно так же автор, рассказав о разгроме татар, не мог оборвать свое произведение словами «Трубы их не трубят, уныша гласи их», ничего не сказав о русском воинстве и русских князьях-победителях; он не мог оставить свою «похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Ондреевичу» без упоминания о них в самом конце произведения, без упоминания, что они себе «добыли чести и славного имени».

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 161

² Там же, стр. 171.

³ Там же, стр. 173 (разрядка В. П. Адриановой-Перетц).

Относительно заключения «Задонщины» у В. П. Адриановой-Перетц читаем: «Продолжая изложение Софонии, эффектно обрывающееся на картине полного разгрома войск Мамаю, редактор обратился к Летописной повести о Мамаевом побоище и добавил два эпизода: прощание великого князя с дружиной и бегство Мамаю»¹ Если бы повесть действительно обрывалась так, как говорит В. П. Адрианова-Перетц, то «эффектность» этого приема была бы весьма сомнительной, так как он резко противоречил бы и логике и художественному чутью, которые, повторяю, были у автора «Задонщины». Не мог он закончить свое произведение, написанное в похвалу князьям-победителям, даже не упомянув о них!

Утверждение В. П. Адриановой-Перетц по поводу заключительной части «Задонщины», что «композиция этой части, несомненно, взята из Летописной повести»,² мне кажется вполне приемлемым, но «взять» эту композицию из «Летописной повести», конечно, мог и сам автор, а не какой-нибудь последующий редактор. Между прочим, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в заключении «Задонщины» отсутствует молитва великого князя, в которой он благодарит бога за победу, находящаяся в «Летописной повести». Это как раз соответствует светским тенденциям Софонии, которые подчеркивает В. П. Адрианова-Перетц, и противоречит церковно-благочестивым тенденциям предполагаемого «редактора».³

Свой «отвод» из первоначального текста «Задонщины» вступления, заключения, эпизода о бегстве Мамаю и некоторых других «вставок» В. П. Адрианова-Перетц основывает на стилистических наблюдениях — на стилистическом единстве и стилистической близости к «Слову о полку Игореве» основной, центральной части «Задонщины», от которой, по ее словам, заметно отличаются своей поэтической фразеологией и стилевыми особенностями все перечисленные только что другие части.

Мне кажется, что эти стилевые отличия предполагаемых редакторских добавлений от поэтической фразеологии центральной части «Задонщины» отчасти преувеличены, а отчасти могут иметь иное объяснение.

В самом деле, В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает, что в предисловии «нет ни одного стилистического приема из Слова о полку Игореве»,⁴ что «это вступление стилистически отличается от повествования Софонии», и тут же вынуждена оговориться: «Однако изредка автор предисловия вспоминает тот или другой оборот речи Софонии и, употребляя его, связывает отчасти вступление с дальнейшим повествованием».⁵ Приведя два примера, В. П. Адрианова-Перетц указывает, что «отголоски стиля Софонии слышны, частично, и в призыве великого князя: „посмотрим славного Днепра“» и т. д.⁶ Почему же нельзя видеть в приведенных примерах не «отголоски стиля Софонии», а непосредственные отголоски «Слова о полку Игореве», как во многих местах центральной части «Задонщины»?

Стилистическую близость некоторых выражений эпизода о бегстве Мамаю к «Слову о полку Игореве», на что указывал еще С. К. Шамбинаго,

¹ Там же.

² Там же, стр. 175.

³ Может быть, не лишним будет напомнить здесь, что А. А. Шахматов в своей рецензии на книгу С. К. Шамбинаго (Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1910. Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария») всю заключительную часть, как и эпизод о бегстве Мамаю, относил к основному, первоначальному тексту «Задонщины».

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 173.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

В. П. Адрианова-Перетц также объясняет тем, что эти выражения автор данной «вставки» нашел у Софонии.¹ Образное выражение «и отскочи поганый Мамай серым волком от своея дружины» она выводит из устных источников, игнорируя «Слово о полку Игореве» с его «въврѣжеса [Игорь] на брѣзь комонь, и скочи съ него бусымъ [т. е. серым] в лѣкомъ», «тогда Влур в лѣкомъ потече», «[Боян] растекашется... сѣрымъ вѣлком по земли».

По наблюдению Д. С. Лихачева, эпизод о бегстве Мамаю находится в тесной композиционной связи со «Словом о полку Игореве». Изображение бегства Мамаю «резко отлично» от изображения бегства Игоря из плена; бегство Мамаю в конце рассказа о Куликовской битве в композиционном отношении «явно противопоставлено бегству Игоря в конце Слова».²

Таким образом, включение этого эпизода в первоначальный текст «Задонщины» было необходимо, так как это соответствовало общему идейному замыслу автора. Все это лишний раз говорит за то, что в оригинале «Задонщины» эпизод бегства Мамаю был.

Большую часть заключительной речи великого князя на поле битвы В. П. Адрианова-Перетц также считает лишь «стилистическим распространением отдельных образов Задонщины». Она говорит, между прочим, что по типу «писания Софонии» редактор пересыпает речь великого князя постоянными обращениями — «брате» и т. п., но что «Софония никогда так не злоупотреблял этим приемом, как это делает редактор».³ А между тем, в центральной части «Задонщины», бесспорно — по В. П. Адриановой-Перетц — принадлежащей Софонии, читаем: «Седлай, брате Ондрей, свои борзыи комони, а мои готовы... [Выедем], брате, на чистое поле, посмотрим своим полъков, толко, брате, князь Дмитриеи, с нами».⁴ Есть и другие подобные места. В. П. Адрианова-Перетц приводит также ряд поэтических оборотов заключительной речи великого князя, в которых видит повторение образов «Задонщины» книжником-редактором.⁵ Но почему нельзя видеть в этих оборотах заключительной речи таких же отголосков «Слова», какие мы видим в соответствующих выражениях центральной части «Задонщины», даже если между ними и есть некоторые отличия в оттенках? Почему это не могут быть такие же авторские самоповторения, какие мы видим и в «Слове о полку Игореве»?

Мне кажется, что известная разница в стиле и поэтической фразеологии между центральной частью «Задонщины» и ее вступлением, заключением и некоторыми отдельными эпизодами, конечно, есть, но она не так велика, чтобы непременно надо было ставить вопрос о другом авторе этих частей, создавшем новую, вторую редакцию повести. «Слово о полку Игореве» было основным, самым мощным и действенным, но не единственным источником для автора «Задонщины» в ее первоначальном виде. «Книжник» Софония, как его обычно квалифицируют, не чужд был и народному творчеству, элементы которого — не восходящие к «Слову о полку Игореве» — отчетливо отражены в ряде мест «Задонщины»; но этот «книжник» прежде всего был человеком, начитанным в литературе своего

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 175.

² Д. С. Лихачев. Задонщина. «Литературная учеба», 1941, № 3, стр. 92.

³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 176; далее следует несколько примеров из заключительной части.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и «Задонщина», стр. 181.

⁵ Там же, стр. 176.

времени и в памятниках прошлого. Вполне естественно предположить поэтому, что он и использовал некоторые из известных ему памятников в процессе своей работы над «Задонщиной». В центральной части своего произведения он более всего использует «Слово о полку Игореве», которое всецело захватило его как своей идейной глубиной, своим патриотизмом, так и совершенством художественной формы. Но и его он использует очень своеобразно и, кроме того, неравномерно. В других же местах, главным образом во вступлении и заключении, автор «Задонщины» мог иметь и, конечно, имел уже иные источники, как Повесть временных лет, «Летописная повесть» о Куликовской битве, некоторые памятники рязанской литературы и другие. Здесь, не пользуясь «Словом о полку Игореве», он освобождался от его обаяния, выходил из-под влияния «Слова», писал более свободно, по-своему, по-современному, приближаясь к манере исторического повествования XIV—XV веков.

В. П. Адрианова-Перетц допускает возможность того, что начальная беседа или совещание на пиру, которым открывается «Задонщина» в полных списках, — своеобразный эпический прием. «Вполне вероятно, — говорит она, — что мысль начать рассказ о Мамаевом побоище беседой на пиру перед самыми событиями могла быть подсказана обычным зачином многих былин».¹ Но даже в этом случае, если мы имеем здесь эпический прием самого автора, «речь великого князя в предисловии, без сомнения, составлена начитанным книжником и никакой близости к стилю Софонии не обнаруживает».² Но почему же Софония, который в известной мере тоже был «начитанным книжником», сам не мог написать предисловия в книжной манере, пользуясь не «Словом о полку Игореве», а другими книжными источниками? Этим и могла бы быть объяснена разница между началом и дальнейшим изложением «Задонщины».

Желая подчеркнуть, что предисловие и центральная часть «Задонщины» писаны разными лицами, В. П. Адрианова-Перетц указывает, что предполагаемый ею автор предисловия говорит о нем как о заново составленном: «преже в описях»; о самой же «Задонщине» (т. е. центральной ее части) он говорит как о списанном, чужом произведении: «потом списах жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Владимиру Андреевичу».³ Однако глагол «списать» в древнерусском языке обозначал не только «списать», «переписать», но и «написать», «сочинить», «описать».⁴ Таким образом, приведенные фразы предисловия следует читать так: «Сперва я описал жалость земли Русской и прочее, от книг приводя (т. е. на основании книг, — А. Н.). Потом же написал (или сочинил, — А. Н.) жалость и похвалу великому князю...» и т. д. Иначе говоря, здесь один, тот же самый автор рассказывает о той последовательности, в которой он создавал свое произведение.

Настоящая попытка реконструкции авторского текста «Задонщины», предпринятая В. П. Адриановой-Перетц, как и предшествующие попытки

¹ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 172.

² Там же.

³ Разрядка В. П. Адриановой-Перетц.

⁴ Убедительные примеры из памятников см.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, столб. 792. Добавлю еще начало авторского послесловия из «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков»: «Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того же града» (В. И. Малышев. Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. М.—Л., 1952, стр. 24. Разрядка наша, — А. Н.) Такое значение глагола «списать» («написать», «сочинить») встречается и гораздо позже, ср., например, слова юноши Пушкина о Фонвизине как авторе «Недоросля»: «Творец, списавший (разрядка наша — А. Н.) Простакову» («Тень Фонвизина», 1815 г.).

И. Срезневского и С. Шамбинаго, исходит из сравнительного анализа всех известных списков памятников — без предварительного распределения их по редакциям. Очевидно, все они мыслились как принадлежащие к одной редакции.

Вопрос о наличии двух — пространной и краткой — редакций среди известных на сегодня списков «Задонщины» был поставлен В. Ф. Ржигой, который в связи с этим выдвинул и новые методические требования для восстановления первоначального вида памятника. В своей работе «Слово Софония рязанца о Куликовской битве („Задонщина“») В. Ф. Ржига не дает собственной реконструкции первоначального текста «Задонщины», хотя им проделана большая и кропотливая подготовительная работа в этом направлении. Он ограничился тем, что на основании детального анализа известных на сегодня списков, изучив их особенности и взаимоотношения, выставил ряд определенных принципиальных положений, которые, по его мнению, как определенная методическая основа и предпосылка должны быть соблюдены в сложном процессе восстановления первоначального вида памятника.

Сопоставление пяти списков «Задонщины» (без так называемого Ждановского списка, дающего только вступление повести) убедило В. Ф. Ржигу в том, что они сохраняют две редакции памятника — пространную и краткую; первая представлена четырьмя списками XVI—XVII веков, краткая же — только одним (неполным) списком конца XV века (К-Б). Считая более древней и близкой к оригиналу пространную редакцию, а краткую рассматривая как последующее сокращение пространной, он находит «явно недостаточными» попытки И. Срезневского и С. Шамбинаго дать сводный текст «Задонщины» на основании всех известных им списков и выдвигает требование прежде всего «отдельно восстанавливать пространную редакцию памятника, насколько она может быть восстановлена по спискам XVI—XVII веков».¹

По поводу рассмотренной выше работы В. П. Адриановой-Перетц В. Ф. Ржига делает замечание, что она «не сделала всех необходимых выводов из факта существования двух редакций Задонщины».² При наличии двух редакций, говорит он, «первоначальный текст необходимо восстанавливать не просто путем сличения отдельных списков Задонщины со Словом о полку Игореве», а путем сопоставления краткой редакции (по К-Б) с различными стадиями в литературной жизни пространной редакции, существовавшей с начала XV по XVII век и отразившейся не только в полных и неполных списках XVI и XVII веков, но и в тексте «Сказания о Мамаевом побоище». «Быть может, — замечает В. Ф. Ржига, — путь этот очень труден. Быть может, в настоящее время нельзя достигнуть тут окончательных результатов, но... только этот путь критики текста является наиболее верным и надежным».³ О попытке В. П. Адриановой-Перетц восстановить первоначальный, авторский текст «Задонщины» — как он вышел из рук «Софонии старца рязанца» — В. Ф. Ржига говорит: «Опыт этот имеет, конечно, гипотетический характер и должен рассматриваться как один из этапов, необходимых для подготовки издания так называемой Задонщины по всем спискам краткой и полной редакции и по всем отрывкам ее и отголоскам, сохранившимся в составе „Сказания о Мамаевом побоище“».⁴

¹ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 9.

² Там же, стр. 38.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 39—40.

На первый взгляд, В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Ржига в своей работе над восстановлением древнейшего, первоначального текста «Задонщины» идут различными путями, — но это не совсем так. Сделанное В. Ф. Ржигой наблюдение, что в древнейшем (1470-х годов), единственном пока списке краткой редакции есть несколько чтений, улучшающих текст, которые, должно быть, были в не дошедших до нас более древних списках пространной редакции (откуда они и попали в краткую редакцию), — показывает, что при восстановлении текста пространной редакции необходимо учесть и использовать также данные списков краткой редакции. Иначе говоря, при восстановлении первоначального авторского текста «Задонщины» надо принимать во внимание чтения обеих редакций — не только более древней, пространной, но и позднейшей, краткой.

Таким образом, и у В. Ф. Ржиги, в конце концов, данные *К-Б* списка вводятся в круг сравнительного анализа вместе со всеми другими списками, но только не сразу, не одновременно, а на несколько более поздней стадии, когда уже наметились первоначальные черты пространной редакции.

У обоих авторов есть некоторое различие и в пользовании термином «первая редакция». У В. П. Адриановой-Перетц «первая редакция» «Задонщины» — это авторский текст, оригинал произведения; путем позднейших редакторских добавлений и вставок из авторского текста, первой редакции, возникла новая обработка памятника, его вторая редакция, которая — с различными изменениями — представлена сохранившимися на сегодня списками. В. Ф. Ржига именно в сохранившихся списках усматривает наличие двух редакций; из них позднейшая, краткая (*К-Б*), получила свое начало путем сокращения из более древней, пространной, но обе они, как говорит В. Ф. Ржига, «восходят к одному оригиналу, который имел пространный характер».¹ Таким образом, свою «первую редакцию», более древнюю и пространную, В. Ф. Ржига не отождествляет с оригиналом, хотя она и близка к нему.

Наиболее резко расходятся оба исследователя в определении состава первоначального текста «Задонщины»: по мнению В. П. Адриановой-Перетц, первоначальный авторский текст, или, по ее терминологии, первая редакция, состоит из одной только центральной части «Задонщины» (см. выше, стр. 548), без вступления и заключения; В. Ф. Ржига, напротив, считает, что оригинал повести «имел пространный характер», т. е., очевидно, как и близкая к нему «пространная редакция», имел уже и вступление, и заключение.

В дальнейшем, продолжая работу по изучению текстов «Задонщины» и сходных с нею памятников в целях наиболее точного воссоздания авторского текста, В. П. Адрианова-Перетц несколько изменила свою оценку предисловия и некоторых других эпизодов и отдельных мест «Задонщины», придя таким образом к несколько иным выводам о первоначальном объеме и составе произведения «старца Софонии».

Принципы, на которых основан «второй вариант» восстановленного текста, В. П. Адрианова-Перетц опубликовала первоначально в 1947 году в автореферате «Задонщина. (К вопросу о реконструкции авторского текста)»,² а затем вторично в 1948 году, в предисловии к своей работе «Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста)»,³ где напечатан и самый по-новому реконструированный текст.

¹ Там же, стр. 12.

² Известия АН СССР, ОЛЯ, VI, 1947, № 2, стр. 95—100.

³ Труды ОДРА, VI, стр. 223—232. Здесь, на стр. 201—204, 217—220, эти принципы изложены почти в тех же формулировках.

Устанавливая предполагаемый объем и составные части авторского текста, В. П. Адрианова-Перетц включает теперь в этот текст и так называемое предисловие, или вступление к нему, но делает это с большими колебаниями и оговорками. Ее попрежнему смущает то, что предисловие «использует такие литературные источники, следов которых нет в дальнейшем, — Повесть временных лет и летопись типа Ипатьевской», и «прибегает к историческим припоминаниям», чего мы не наблюдаем в центральной части «Задонщины».¹ То же небольшое, что в предисловии совпадает со «Словом о полку Игореве», по мнению В. П. Адриановой-Перетц, восходит к летописи или оказывается повторением выражений «Слова», вошедших в центральную часть.

Мне кажется, однако, что выражение «на реке на Каяле» восходит не к летописному «на реце Каялы» (единственный случай в Ипатьевской летописи), а несомненно к буквально такому же, но данному в арханчешской форме выражению «Слова» — «на реце на Каяле» (кроме этого, в «Слове» еще три упоминания «Каялы реки»). Точно так же «посмотрим славного Непра» и «хиновя» прекрасно могут восходить непосредственно к соответственным выражениям «Слова» и потом повторяться в насыщенной «Словом» центральной части «Задонщины», а не быть лишь повторением аналогичных выражений центральной части, вне всякой связи со «Словом».

Имея все же в виду наличие в предисловии некоторых выражений из «Слова о полку Игореве» и центральной части «Задонщины», В. П. Адрианова-Перетц говорит: «Чтобы сгладить переход к тексту Софонии, этот предполагаемый редактор-автор предисловия ввел в свой стиль отдельные выражения из поэтического языка Софонии».² Не слишком ли тонко это было бы для предполагаемого редактора и не проще ли предположить, что автором предисловия был сам Софония? Неужели книжник Софония, так широко и своеобразно использовавший в своем патриотическом произведении величайшее патриотическое создание XII века, мог не дать своего предисловия, определяющего его точку зрения на события, связывающего «жалость» прежних времен (поражения на Каяле, на Калке) с «похвалой» настоящего времени (победа на Куликовом поле)? Мне это представляется невозможным: без такого предисловия весь рассказ Софонии о Куликовской битве был бы телом без головы.

Сама В. П. Адрианова-Перетц находит, что в начальной фразе центральной части «Задонщины» — «лудчи бо нам, братие, начяти поведати и неми словесы» — выражение «и неми словесы» подразумевает сравнение: «автор собирается теперь говорить другими словами, чем те, очевидно, какими он говорил раньше».³ Говорить раньше он мог только в предисловии, добавлю я от себя.

«И действительно, — говорит В. П. Адрианова-Перетц, — если в предисловии образцом его речи была летопись, то теперь таким образцом становится Слово о полку Игореве: „иные словеса“ этого литературного источника как будто противопоставляются „книгам“, откуда были извлечены исторические экскурсы предисловия».⁴ Такое заключение является вполне логичным и справедливым и лишний раз подтверждает авторство Софонии не только в отношении центральной части «Задонщины», но и

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 202.

² Там же, стр. 203.

³ Там же (разрядка наша, — А. Н.).

⁴ Там же.

в отношении предисловия к ней.¹ Отказываясь «категорически решить вопрос о том, входило ли предисловие в авторский текст Софонии», В. П. Адрианова-Перетц подчеркивает в то же время, что «в XV веке такое предисловие уже существовало, так как отрывки из него сохранились в старшем списке *К-Б*».² Здесь можно бы добавить, что Кирилло-Белозерский список 1470-х годов, избобилующий всякого рода погрешностями и искажениями, конечно, является далеко не первоначальным и, таким образом, предисловие, следы которого он сохраняет, известно было, должно быть, значительно раньше.

Во «втором варианте» реконструированного текста «Задонщины» В. П. Адрианова-Перетц считает возможным включить в авторский текст Софонии рассказ о бегстве Мамаю, признавая теперь, что «первая фраза этого рассказа явно напоминает Слово о полку Игореве»;³ она делает только оговорку, что нравоучительный заключительный его эпизод, резко выделяющийся своей книжностью, возможно, «представляет позднейшее добавление к первоначальному рассказу».⁴

Что касается последней части «Задонщины», явно восходящей к «Летописной повести», то В. П. Адрианова-Перетц, на том основании, что в ней нет «ни одного заимствования из Слова о полку Игореве или из старших летописных рассказов», отразившихся в предисловии, полагает, что «вряд ли... есть основание приписывать ее авторство Софонии».⁵

Между тем, как уже было сказано выше (см. стр. 551), едва ли можно думать, что автор «Задонщины» оставил свое произведение без всякого заключения и «оборвал» его либо на близких к «Слову о полку Игореве» словах: «И трубы их не трубят, и уныша гласи их», либо на рассказе о бегстве Мамаю словами: «Побежи, поганый Мамаю, и от нас по Задлешью», ничего не упомянув о прославляемых им русских князьях, об их дальнейших действиях. Авторское заключение, конечно, должно было быть, и оно — я думаю — было, хотя, может быть, и не вполне в том виде, в каком мы знаем его теперь. Как бы то ни было, известное нам заключение имеет стилистические черты и обороты, роднящие его как с основной частью «Задонщины», так, может быть, и непосредственно со «Словом о полку Игореве», хотя в заключительной части, как и в предисловии, автор, пользуясь преимущественно другими источниками, находился вне воздействия «Слова о полку Игореве» (см. выше, стр. 552—553) и писал в несколько иной манере.

¹ Другие мои соображения по этому поводу см. выше, стр. 550—553. Возражения Н. К. Гудзия против принадлежности предисловия Софонии («Советская книга», 1950, № 3, стр. 110—111) не представляются мне убедительными: и начало, и продолжение предисловия достаточно связаны с последующим текстом общим идейным замыслом автора. Что же касается предложения самого Н. К. Гудзия видеть начало авторского текста в словах: «Снидемся, братия... возвеселим Рускую землю и возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий», то оно неприемлемо хотя бы уже потому, что подчеркнутые слова тесно связаны с аналогичными выражениями в начале предисловия («на восточную страну жребий Симов... Русская земля съдит невесела... туюго и печально покрывася») и могут быть поняты только в этой связи: только указанные выражения предисловия объясняют, почему это надо возвеселить Русскую землю и ввергнуть печаль на восточную страну в Симов жребий.

² В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 203.

³ Разрядка наша, — А. Н. Прежние соображения В. П. Адриановой-Перетц по этому поводу см. выше, стр. 551—552.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 203.

⁵ Там же.

Во всяком случае, если мы прочтем предположительный авторский текст Софонии в том виде, как он вторично реконструирован В. П. Адриановой-Перетц,¹ то сразу бросается в глаза, что он остается как бы незавершенным, иначе говоря, что он не имеет конца. В действительности этого, конечно, не могло быть.

Восстанавливая первоначальный авторский текст «Задонщины», В. П. Адрианова-Перетц и из центральной ее части, которую она считает «несомненно принадлежащей Софонии», исключает, говоря ее словами, «явно вторичные вставки в основной текст», которые «разрезают текст, слабо связаны с ним и нарушают естественный ход изложения».² Думается, что это вполне оправдано с точки зрения восстановительной критики текста и что более или менее отчетливо ощутимые вставки должны быть устранены из авторского текста Софонии даже в его бесспорной центральной части.

В целом опыт реконструкции первоначального текста «Задонщины», предложенный В. П. Адриановой-Перетц и являющийся итогом большой и длительной работы, самого тщательного изучения и сопоставления списков, обнаруживает много тонких и верных наблюдений над текстом памятника и осторожность в выводах. Несмотря на неизбежную спорность некоторых замечаний и незавершенность выводов, работа представляет большой методологический интерес и является значительным шагом вперед в деле воссоздания первоначального текста «Задонщины».

Упрек методологического характера, сделанный В. Ф. Ржигой по поводу «первого варианта» реконструированного текста «Задонщины»,³ что в нем «не уделено должного внимания группировке сохранившихся текстов по двум редакциям», что при наличии двух редакций «первоначальный текст необходимо восстанавливать не просто путем сличения отдельных списков Задонщины со Словом о полку Игореве, а путем сопоставления краткой редакции (К-Б) с различными стадиями в литературной жизни пространной редакции»,⁴ — упрек этот в значительной мере снимается объяснениями и замечаниями В. П. Адриановой-Перетц по поводу работы В. Ф. Ржиги: она указывает, что, продолжая свою работу над реконструкцией первоначального текста и устанавливая его объем, она «шла именно тем путем, который предлагает В. Ф. Ржига» (следует приведенная выше цитата), поэтому новая реконструкция текста и «отличается частично от первого опыта ее»; что же касается устанавливаемых В. Ф. Ржигой двух редакций (пространной и краткой), то, во-первых, сам он, как и В. П. Адрианова-Перетц, признает, что обе они «восходят к одному оригиналу, который имел пространный характер, и краткая редакция, таким образом, получилась в результате сокращения»; а, во-вторых, В. П. Адрианова-Перетц считает, что так называемая краткая редакция — «не сознательная переработка пространной, хотя бы и путем сокращения последней, а запись, сделанная по памяти»,⁵ и, таким образом, вопрос о двух редакциях «Задонщины» отпадает.

Мне кажется, что так называемая краткая редакция — при всей ее краткости — действительно едва ли представляет то, что мы называем

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 223—232.

² Там же, стр. 204.

³ В статье: В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 179—186.

⁴ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 8. См. выше, стр. 554.

⁵ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста), стр. 221 (разрядка наша, — А. Н.).

редакции ей, хотя, может быть, это и не «запись по памяти»: единственный представитель краткой редакции, старейший список *К-Б*, возможно, просто крайне небрежный, испорченный и малограмотный список, сделанный к тому же, может быть, с уже неисправного предшествующего списка; отсюда — все его пропуски, искажения, вольный пересказ последнего плача, ошибка в имени великого князя, путаница в некоторых местах и т. д.

Параллельная работа над списками «Задонщины» и «Словом о полку Игореве» в связи с реконструкцией авторского текста Софонии дала возможность В. П. Адриановой-Перетц не только значительно подвинуть вперед дело воссоздания оригинала «Задонщины», но и сделать интересные и ценные наблюдения над текстом «Слова». Ей с полной очевидностью и убедительностью удалось показать, что «с помощью Задонщины могут быть оправданы некоторые поправки исследователей, предложенные ими к первому изданию Слова»,¹ другие же поправки такой поддержки и оправдания в списках «Задонщины» не находят.²

Весьма ценным добавлением к реконструированному тексту и вводным замечаниям к нему является новая публикация пяти известных списков «Задонщины» в их хронологической последовательности: *К-Б* (70-х годов XV века), *И-2* (конца XV—начала XVI века), *И-1* (конца XVI—начала XVII века), *У* (середины XVII века) и *С* (XVII века).³ Эта публикация дает возможность каждому путем непосредственного знакомства со всеми списками проследить шаг за шагом процесс воссоздания первоначального авторского текста Софонии.

Ниже я позволю себе, исходя из публикации В. П. Адриановой-Перетц, сделать ряд замечаний по поводу ее опыта реконструкции авторского текста «Задонщины».

* * *

Одним из существенных отличий второго варианта реконструированного текста «Задонщины» от первого является отказ В. П. Адриановой-Перетц от перестановки отрывка «Черна земля под копыты... Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове» ближе к концу произведения и оставление его на том месте, где речь идет еще о первом, неудачном для русских эпизоде сражения, когда были «посечены князи рускыя (и бояры) и воеводы... от поганых татар». Указав, что списки 3-й редакции «Сказания о Мамаевом побоище» и так называемый список Оболенского (№ 70/93, XVII в.) помещают этот эпизод в описание радости русских после разгрома Мамаю, В. П. Адрианова-Перетц, однако, не решает теперь допустить, что такое, вполне логическое и естественное размещение материала было и у самого Софонии. Этому, по ее словам, мешает то обстоятельство, что «предыдущий эпизод Задонщины сделан по типу того самого описания боя русских с половцами, которое в Слове непосредственно предшествует отрывку „Черна земля...“», и потому возможно, что «перенос эпизода в конец... сделан уже редактором Сказания».⁴

¹ Там же, стр. 204; см. также стр. 217.

² Оправдывается, например, предложенная А. И. Соболевским известная перестановка начальных эпизодов «Слова», чтение «главы своя подклониша» вместо «поклониша»; отпадает предложение Карелкича читать «мысию» (т. е. белкой) вместо «мыслию», и др.

³ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. (Опыт реконструкции авторского текста). стр. 223—255.

⁴ Там же, стр. 228.

Мне кажется, трудно поверить, чтобы автор «Задонщины» мог допустить столь явную хронологическую непоследовательность в своем описании Куликовской битвы, непоследовательность, композиционно и логически совершенно недопустимую, так как течение боя, его переломный момент были хорошо известны современникам Софонии. Он, конечно, не мог сперва рассказать о том, что русские сыны «наехали... на сильную рать татарскую» и в результате жестокого боя «Русь великая одолеша Мамаю», рассказать даже, как далеко (к Риму, Кафе, Царюграду и др.) «шибла слава» об этой победе, потом вернуться назад и перейти к подробному изображению первого, неудачного для русских этапа боя, когда русские войска были под угрозой поражения и «все восплакались [княгини и] боярыни и воеводины жены о избьенных», а затем снова говорить о победе русских и разгроме татар, явившемся результатом действий «засадного» полка. По какой-то нам неизвестной причине эпизод «Черна земля...» и т. д. в одном из списков очень рано попал не на свое место (следы этого есть уже в *К-Б*, где это место сильно сокращено) и так и остался во всех известных сейчас списках «Задонщины»; в самом же оригинале «Задонщины» и тех ее списках, которыми воспользовались 3-я редакция «Сказания о Мамаевом побоище» и список Оболенского, рассмотренный эпизод, надо думать, находился не в первой, а во второй половине центральной части повести и относился к описанию окончательного разгрома татар.

Что же касается смущающего В. П. Адрианову-Перетц обстоятельства, что и в «Слове о полку Игореве» и в «Задонщине» отрывку «Черна земля...» предшествует сходное описание боя с врагами — и это будто бы доказывает, что автор «Задонщины» последовательно имитировал, использовал стилистику и образы «Слова» (иначе говоря, доказывает, что отрывок «Черна земля...» и в оригинале «Задонщины» стоял на этом же месте), — то, во-первых, Софония постоянно использует хорошо известный ему материал «Слова о полку Игореве» не в той последовательности, в какой он расположен в «Слове», а совершенно свободно, перенося его в другие места — по своему усмотрению;¹ а, во-вторых, мне кажется, перестановке, исправляющей смысл и последовательность событий в тексте «Задонщины», подлежит эпизод, начинающийся не словами «Черна земля...», а несколько раньше: «Ударишас[я] копия харалужныя о доспехи татарския, възгремели мечи булатныя о шеломы хиновския на поле Куликове, на речки Направде»,² т. е. сходное со «Словом о полку Игореве» описание боя с врагами должно быть перенесено в конец вместе с последующим отрывком «Черна земля...». При такой перестановке (мне она представляется вполне возможной) отпадает смущающее В. П. Адрианову-Перетц приведенное выше соображение.

* * *

*

Кроме рассмотренного отступления от текста первого варианта реконструированного авторского текста «Задонщины», второй вариант имеет еще значительное количество расхождений с ним — то более или менее существенных, то мелких. Расхождения эти, повидимому, являются результатом самокритического пересмотра проделанной раньше работы, так как в основе второго варианта реконструированного текста лежит тот же список *И-1* и никакие новые материалы не привлечены. Рассмотрение не-

¹ Многочисленные примеры — в тех примечаниях и подстрочных параллелях к тексту «Задонщины» из «Слова», которые В. П. Адрианова-Перетц дает в своих публикациях текстов в V и VI томах «Трудов ОДРЛ».

² Труды ОДРЛ, V, стр. 201; VI, стр. 228.

которых из этих расхождений покажет, что новые изменения в предполагаемом авторском тексте не всегда улучшают его: в одних случаях они действительно дают лучшие чтения, в других же по смыслу, логичности и обоснованности уступают отброшенным чтениям первого варианта. Отдельные сопоставляемые места первого и второго вариантов реконструированного авторского текста привожу в том порядке, в каком они находятся в «Задонщине».

1. *I вар*: Тот [бо вещей Боян] воскладаше... персты... и пояше...
II вар: Тот [бо вещии Боян воскладая].. персты... и пояше...

Мне кажется, нет оснований форму списка *И-1* «восклад[а]ше», гармонирующую с последующей «пояше» и поддержанную списком *У* (воскладаша... пояша), заменять формой «воскладая», взятой из богатого искажениями списка *К-Б*; а, главное, и в «Слове о полку Игореве» именно в этом месте читаем «въскладаше».

Кроме того, я считаю необходимым заменить начальное «Тот» (*И-1*, *У*, *С*) более архаическим чтением древнейшего списка *К-Б* — «Той», для которого и в «Слове» есть прекрасное соответствие: «Тъ и бо Олегъ мечемъ крамолу коваше... той же звонъ слыша... Ярославъ».

2. *I вар*: стоят люди новгородцы.
II вар: стоят [мужи] новгородцы.

Вполне обоснованно чтение одного списка *И-1* заменено чтением списков *К-Б*, *У* и *С*.

3. *I вар*: И как слово изговарива[ют], уже бо яко орлы слетешася. [То ти не орлы слетосашя], съехалися вси князи руския...
II вар: Уже бо яко орлы слетешася [со всея полунощныя страны. То ти не орлы слетосашя], съехалися вси князи руския...

Фраза «И как слово изговарива[ют]» в списках *У*, *И-1*, *С* (в двух последних — в несколько измененном виде) связывает данный эпизод с рассказом о выезде из Новгорода 70000 войска на помощь великому князю. Поскольку это — позднейшая вставка, В. П. Адрианова-Перетц во втором варианте выпускает и связующую фразу и рассказ о выезде новгородцев, идя главным образом за *К-Б*, откуда добавлены слова «со всея полунощныя страны», отсутствующие в первом варианте (их нет в других списках).

Опущение начальной фразы первого варианта мне кажется оправданным, но в начальных словах второго варианта допущена неточность: к словам «Уже бо яко орлы слетешася» дано примечание (34-е) — «Так *К-Б*», между тем к *К-Б* начало фразы иное — «Тогда аки орли...».

4. *I вар*: поидем [за быструю реку Дон], укувим животу славу, [землям диво] старым повесть...
II вар: поидем за быструю реку Дон, укувим землям диво, старым повесть...

Опущение во втором варианте слов «животу славу» мне представляется неоправданным, так как они находятся и в принятом за основу списке *И-1* и в списках *У*, *С*. Кроме того, второй вариант не отмечает графически и не оговаривает, что слова «за быструю реку Дон» внесены из другого списка (*К-Б*).

5. *I вар*: ведоми полководцы, [на шите рожены], под трубами [повиты], под шеломы воззеляны, [конець копия вскормлени, с востраго меча поены].
II вар: ведоми полководцы, под трубами [повити] и под шеломы воззеляны [конець копия вскормлени]...

Как видим, опущены добавления *К-Б*, которым нет соответствия в «Слове о полку Игореве».

6. *I var*: стучить сильная рать великого князя [Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича]...
II var: стучить сильная рат великого князя [Дмитрия Ивановича].

Во втором варианте имя князя восстановлено по спискам *К-Б* и *С*, а слова «и брата... Андреевича», находящиеся только в *У*, сняты обоснованно.

7. *I var*: прилеяша великиа тучи по морю на Рускую землю...
II var: прилеяша великиа тучи на Русскую землю...

Слова «по морю» сняты обоснованно как лишние, находящиеся только в *И-1*. Кроме того, в *И-1* эти же слова читаются выше: «возвеша силнии ветри по морю...» — возможно, что в данном месте они просто механически, ошибочно повторены.

8. *I var*: А уже беды их [пасоша] птица крилати под облакы...
II var: А уже беды их [пасоша] птица крилати под облакы летаютъ...

Первый вариант ближе к тексту «Слова о полку Игореве»: «Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию»; он поддерживается также чтением *К-Б*: «Птици небесныя пасущесе то под синие оболока». Возможно, что трудное место «Слова», близко к нему переданное в авторском тексте «Задонщины», потребовало при дальнейшей переписке осмысления и вызвало добавление слова «летаютъ» (*И-1*, *У*, *С*).

Однако, с моей точки зрения, это добавочное слово ухудшает смысл. Чтение первого варианта — предпочтительнее.

9. *I var*: Тогда князь великий [Дмитрий Иванович] вступи в златое стремя...
II var: Тогда князь великий вступи в златое стремя...

Мне кажется, что слова «Дмитрий Иванович», поддержанные тремя списками — *У*, *С* и древнейшим *К-Б*, — надо включить в авторский текст.

10. *I var*: вступи в златое стремя, взем свой меч в правую руку свою...
II var: вступи в златое стремя...

Слова «взем свой меч в правую руку свою», находящиеся в списках *К-Б*, *И-1*, *У* и *С*, очевидно, были и в оригинале, и их следует сохранить в реконструированном авторском тексте; добавление же религиозного характера, которого нет в *К-Б* («помоляся богу и пресвятии богородицы»), справедливо опущено в обоих вариантах.

11. *I var*: главы своя положити [за землю Рускую и] за веру крестьянскую...
II var: главы своя положити за веру крестьянскую.

В «Задонщине» слова «за землю Рускую» — своего рода рефрен, как и в «Слове о полку Игореве»; кроме того, они поддерживаются двумя списками — *У* и *С*. Напрасно во втором варианте эти слова выпущены.

12. *I var*: Черньца Пересвета... за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.
 Не тури воз[рыкають]... [взопиша] князи руския и воеводы... посечени от поганых татар.
II var: Не тури [возрыкають]... взопаша посечени князи руския [и бояры] и воеводы... посечени от поганых татар: Федор Семенович... (следует перечень, — *А. Н.*)... на брези. Черньца Пересвета... за обиду великого князя Дмитрия Ивановича.

Более правильный порядок этих двух отрывков дается во втором варианте; такое именно расположение их находим во всех списках — за исключением *К-Б*, в котором многое искажено и перепутано; кроме того, во втором варианте абзац «Не тури... на брези» передан ближе к *И-1*, включая даже его перечень убитых. Был ли этот перечень в оригинале

Софонии, трудно сказать; в *К-Б* он есть, но с другими именами (за исключением Микулы Васильевича).

Мне кажется, после введенного в первоначальный текст «взопиша» должно сразу же идти — «князи рускыя», т. е. надо опустить «посечени», так как это слово повторяется дальше и здесь в нем нет необходимости. Вставка во втором варианте [и бояры] из *У* приемлема, так как она поддерживается и *К-Б*: «избиении от поганых князи великих и бояляр сановных».

Совершенно недопустимо внесение в предполагаемый авторский текст «Задонщины» явно искаженного в *К-Б* написания «взопаша» вместо «взопиша», тем более, что в первом варианте это искажение исправлено и оговорено в примечании.

13. *I* вар.: ни пастуси [в поле не] кличут.
II вар.: ни пастуси [не] кличут.

Второй вариант дает лучшее чтение, так как нет никакой необходимости вводить из единственного списка — *У* — добавление «в поле»; кроме того, без него это место ближе к тексту «Слова о полку Игореве».

14. *I* вар.: въсплакалися кне[гини] и боярыни избьенных, воеводины жены.
II вар.: въсплакалис[ь] кне[гини] и боярыни и воеводины жены о избьенных.

Чтение второго варианта, основанное на списке *И-2* (конца *XV*—начала *XVI* века), дает лучший смысл.

15. *I* вар.: чтобы потом поганые к нам не [бывали], уже бо [мужей наших] рати [прибילו].
II вар.: чтобы потом поганые к нам не ездили, уже бо мужи наши рати трудили.

Второй вариант полностью и обоснованно восстанавливает текст *И-1*, отказываясь от «поправок», заимствованных из позднего, избыточного грубыми ошибками и искажениями списка *С*: «што ж бы тые поганые татарове и потом к нам не бывали, уже бо мужей наших прибыла от рат поганых татар». Чтение «трудили» поддерживается *И-2* и *У* — «рать трудила».

16. *I* вар.: Не уставай, князь, с своими великими полки... храбрую дружину [у нас стреляли], [ав] трупу чловецью борз конь не может скочити, з крови по колено бродят. Уже бо, брате, жалостно видети крови крестьянской! Не уставай, князь, с своими [воеводы и сильными] бояры.
II вар.: Не уставай, князь, с своими великими полки... храбрую дружину [у нас стреляли]. Уже бо, брате, жалостно видети крови крестьянской.

Во втором варианте без всяких объяснений и оговорок выпущены слова «[а в] трупу чловецью... в крови по колено бродят», находящиеся (с незначительными изменениями) и в остальных трех списках: *И-2*, *У* и *С*. Кроме того, опущено повторение в конце абзаца — «Не уставай, князь, с своими... бояры». Мне это повторение представляется возможным и само по себе, и как поддержанное *И-2* и *С*; может быть, не следует вводить в авторский текст только слова «воеводы и сильными», находящиеся в одном лишь мало надежном списке *С*.

17. *I* вар.: И тогда яко орлы отлетеша... То те не орле полетеша...
II вар.: И тогда яко [соколи] отлетеша... То те не [соколи] полетеша.

Не вижу никакой необходимости изменять чтение *И-1* и заменять «орлов» «соколами», взятыми из *И-2*, *У*, не только потому, что «орлы» в этом месте читаются в мало надежном списке *С*, но главным образом

потому, что в одном из начальных эпизодов, где речь идет о том, что все русские князья съехались к великому князю Дмитрию Ивановичу, мы встречаем именно образ орлов, — и не только в *И-1*, но и во всех остальных списках: *К-Б*, *У* и *С*. Срв., например, в *К-Б*: «Тогда аки орли слетощася... То ти не орли слетощася»...

18. *I* вар.: золочеными шлемы осветиша.

II вар.: золочеными [доспехи] осветиша.

И здесь нет надобности вводить «доспехи» из *И-2* и *У*, так как чтение *И-1* гораздо ближе к поэтической стилистике «Слова о полку Игореве». Срв. «своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая», «злаченными шеломи по крови плаваша»; «доспехи» в «Слове» не встречаются вовсе.

19. *I* вар.: поганых на зад [поворотил].

II вар.: поганых в спять [поворотил].

Более архаическое «вспять», взятое из *И-2* и *У*, уместнее в первоначальном тексте «Задонщины».

20. *I* вар.: Стреляй, князь великий, по всем землям, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую...

II вар.: Стреляй, князь великий, по всем землям. Стреляй, князь великий, с своею храброю дружиною поганого Мамаю хиновина за землю Рускую...

В примечаниях к первому варианту реконструированного текста «Задонщины» была оговорка, что в *И-1* после слов «по всем землям» ошибочно было повторено «стреляй, князь великий» (в двух других полных списках «Задонщины», *У* и *С*, это место отсутствует). А между тем здесь едва ли ошибка, так как именно такая конструкция ближе отражает соответствующее место «Слова»: «...стрѣляеши съ отня злата стола сальтани за землями. Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощя, за землю Рускую»... Вот почему чтение второго варианта (оно в работе не мотивировано) мне кажется более обоснованным.

В большинстве случаев во втором варианте реконструированного авторского текста более последовательно сохраняются чтения *И-1*, положенного в основу издания; «исправления» его по другим спискам в ряде случаев снимаются, хотя есть и обратные случаи.

В целом второй вариант, мне кажется, всё же лучше разрешает задачу восстановления первоначального текста «Задонщины», чем первый.

Наконец, в последней по времени публикации текста «Задонщины», в книге «Воинские повести древней Руси», В. П. Адрианова-Перетц делает еще одну попытку «познакомить с этим памятником в наиболее близком к авторскому оригиналу чтении»,¹ т. е., иначе говоря, дает еще один — третий — вариант предположительно восстанавливаемого ею авторского текста.

Здесь в основу центральной части «Задонщины» (от слов «Лутче бо нам ест, братие» и кончая иронической речью «фрягов» к Мамаю) положен *И-1*, как и в предыдущих двух реконструкциях; предисловие, почти целиком отсутствующее в *И-1*, издается по *У* — с соответствующими исправлениями по другим спискам;² по этому же списку, без какой бы то

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 258 (разрядка наша, — А. Н.).

² Так оно было издано и во втором варианте, см.: Труды ОДРА, VI, стр. 223. Однако если во втором варианте предисловие рассматривается еще лишь как «возможно также принадлежащее Софонии» (там же, стр. 222, прим. 3; разрядка наша, — А. Н.), то в последнем, третьем, варианте принадлежность его авторскому тексту уже не вызывает сомнений. Здесь В. П. Адрианова-Перетц говорит: «Софоний рязанец во вводной части к описанию Куликовской битвы дал противопоставление...

ни было мотивировки, издается и заключительная часть, находящаяся (без нескольких последних строк) и в *И-1*, причем исправления к тексту *У* даются по другим спискам, в том числе и *И-1*.

Таким образом, в этом последнем — третьем — варианте реконструированного авторского текста «Задонщины» В. П. Адрианова-Перетц впервые включает в его состав и заключение («И стал великий князь Дмитрий Иванович... на костях» и т. д. до конца), и предшествующий ему абзац («Нам земля подобна... меж Дона и Непра»), хотя и делает оговорку, что в авторский текст Софонии входили, по всей вероятности («есть основания предполагать»), лишь две первые части произведения, «а заключение, повторяющее аналогичный эпизод Летописной повести о Куликовской битве, было написано позднее», и что «в настоящее время вопрос о том, как кончалось Слово (Софонии рязанца, — *А. Н.*) в его первоначальном виде, не может быть решен бесспорно за недостаточной изученностью литературной истории текстов Летописной повести о Куликовской битве и Сказания о Мамаевом побоище, где последняя часть чрезвычайно близка к эпизоду «на костях».¹

Напечатанный в книге «Воинские повести древней Руси» третий вариант реконструированного авторского текста «Задонщины» вызывает ряд замечаний по поводу каждой из его частей.

Предисловие (в основе — список *У*)

1. Стр. 33. Нет оснований заменять «Ведомо нам, брате» (*У*) на «Ведомо нам, братие милыи» (по позднему *Ж*), так как великий князь говорит брату Владимиру Андреевичу; это подтверждается и следующим сейчас же обращением «Пойдем, брате» (так и в *К-Б*: «Пойдем, брате»).

2. Стр. 33. Настоящий третий вариант правильно восстанавливает чтение *У* «Русь преславная», которое во втором варианте без достаточного основания было заменено на «Русь православная» по *С* и *Ж*. В древнейшем *К-Б* читаем: «Русь преславная».

3. Стр. 33. Вслед за словами «за землю за Рускую и за веру християнскую» опущена испорченная и неясная фраза «Собе бы чаем пороженных и воскормленных», находящаяся во втором варианте. В *Ж* эта фраза тоже испорчена.²

4. Стр. 33. Во втором варианте в обращении «Снидемся, братия и друзи» слово «друзи» без достаточного основания заменено на «друзыны», взятое из *Ж*. Третий вариант восстанавливает чтение *У* — «друзи».

прошлого... настоящему...» (Воинские повести древней Руси, стр. 157); «Цель Софонии рязанца своим повествованием „возвеселить землю Рускую“. Поэтому он лишь в предисловии вспоминает о печальном прошлом» (там же, стр. 158; в обеих цитатах разрядка наша, — *А. Н.*).

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 257—258. Такая же оговорка сделана в вариантах — к словам текста «Нам земля подобна есть Руская милому младенцу...»: «Отсюда до конца заключительная часть, которая, видимо, составляет принадлежность только второй редакции» (там же, стр. 272; разрядка наша, — *А. Н.*).

² Всю фразу: «Князи и бояря и удалые люди, оставимте вся дома своя и богатство...» и т. д. (стр. 33), мне кажется, предпочтительнее было бы дать в чтении *У*: «Князи и бояря и удалые люди, иже оставиша вся дома своя и богатство, жены и дети и скот, честь и славу мира сего получивши, главы своя положиша за землю Рускую и за веру християнскую», как это с достаточной аргументацией предложил Н. К. Гудзий («Советская книга», 1950, № 3, стр. 111).

Центральная часть (в основе — список И-1)

5. Стр. 34—40. Третий вариант, как и первый, всюду исправляет искаженное в И-1 название реки «Направда» на «Непрядва».¹

6. Стр. 36. Напрасно, мне кажется, третий вариант восстанавливает чтение И-1 в словах: «То ти бы ло не серые волцы»; первые два варианта давали здесь исправление по К-Б и У — «были».

7. Стр. 36. После слов «Тогда князь великий вступи в золотое стремя» в третьем варианте добавлено: «взем свой меч в правую руку свою», т. е. здесь восстановлен текст первого варианта.²

8. Стр. 39. В третьем варианте восстановлено чтение И-1 в словах: «То ти... не ва ши московьскыя сладныя меды», что улучшает это место.

9. Стр. 39. Зато оставлено неправильное, на мой взгляд, чтение в словах «И тогда яко соколи отлетеша на быстрый Дон. То те не соколи полетеша...», где правильнее было бы сохранить чтение И-1 — «орлы».³

10. Стр. 40. В третьем варианте восстановлено (по И-1) «въстона ла земля» вместо «въстона» второго варианта (по У).

Между тем, «Слово о полку Игореве» как раз поддерживает чтение «въстона»: «А въстона бо, братие, Киевъ тугою...».

11. Стр. 40. Вместо явно испорченного «по Задлешью» (в самом конце «Задонщины») третий вариант дает «по Залесью».

Заключение (в основе — список У)

Здесь заключение полностью и буквально повторяет текст реконструированной второй редакции «Задонщины», напечатанной В. П. Адриановой-Перетц в V томе «Трудов ОДРЛ» (стр. 205), в основу которой положен также У, а немногочисленные дополнения и исправления даны по И-1.⁴

Непонятно, почему бы в третьем варианте реконструированного авторского текста «Задонщины», где в основу положен И-1, имеющий и заключение (всего лишь без трех последних строк), не дать и заключение по этому же списку, тем более что именно из И-1 вносятся исправления в текст заключения, напечатанного по У.

¹ Считаю, что на стр. 35 чтения «О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, вышекотал земли Литовской дву братьев Олгердовичев, Ондрей да брат его Дмитрий Олгердовичев да Дмитрий Волинский» и «Изберем братью милую, пановой удалые Литвы» предпочтительнее было бы заменить, как это предложил Н. К. Гудзий («Советская книга», 1950, № 3, стр. 111—112), соответственными чтениями списка У: «О соловей, летняя птица, что бы ты, соловей, пощекотал славу великому князю Дмитрею Ивановичю и брату его князю Владимиру Андреевичю и земли Литовской дву братом Олгердовичом, Андрею и брату его Дмитрею, да Дмитрею Волинскому» и «Изберем, брате, милые пановя удалые Литвы».

² См. по этому поводу замечания на стр. 562, № 10.

³ См замечания на стр. 563—564, № 17.

⁴ Еще до напечатания реконструированного авторского текста «Задонщины», в процессе своей многолетней работы над этим памятником, В. П. Адрианова Перетц подготовила и опубликовала в 1947 году (Труды ОДРЛ, V, стр. 194—224) «ту редакцию Задонщины, которую мы знаем по сохранившимся спискам», иначе говоря (по терминологии В. П. Адриановой-Перетц) в т о р о ю р е д а к ц и ю, причем она восстанавливает эту редакцию, «не внося предположительных поправок», а «опираясь только на эти (т. е. сохранившиеся, — А Н) списки и на цитаты из Задонщины в Сказании о Мамаевом побоище» (назв. работа, стр. 195).

Публикация текста предшествует подробная библиография за время свыше ста лет (со времени открытия и опубликования «Сказания о Мамаевом побоище» в 1838 году) и перечень использованных списков с подробной их характеристикой; после текста помещены подробные примечания к отдельным местам, словам и выражениям, в том числе многочисленные параллели из «Слова о полку Игореве» и различных редакций и разновидностей «Сказания о Мамаевом побоище».

В итоге рассмотрения известных на сегодня попыток реконструкции первоначального, авторского текста «Задонщины» и сделанных выше по поводу их критических замечаний, мне кажется, можно прийти к следующим выводам.

1. Что касается первоначального объема и состава «Задонщины», то скорее всего авторский текст Софонии уже содержал в себе все три, восстанавливаемые по известным сейчас спискам, части произведения: предисловие (или вступление), основную (или центральную) часть и заключение.¹

2. Основным, но далеко не единственным литературным источником Софонии в его работе было «Слово о полку Игореве», воздействие которого на поэтический стиль и образы «Задонщины» наиболее чувствуется в основной, центральной части памятника. Эта часть обнаруживает знакомство автора с произведениями рязанской литературы («удальцы», «смертная чаша») и, может быть, с так называемым «Словом о гибели Русской земли» и пользуется, кроме того, — что касается сообщенного в ней фактического материала, — официальными данными и народными преданиями о Куликовской битве и судьбе Мамаея.

Предисловие содержит ряд отголосков летописи, в частности, Повести временных лет и летописи типа Ипатьевской; возможно использование в нем и типичного былинного «зачина» — картины пира.

Заключение — помимо введения некоторых народных преданий — широко использует так называемую «Летописную повесть» о Куликовской битве.

3. При восстановлении первоначального, авторского текста «Задонщины» следует учитывать не только показания всех сохранившихся ее списков (а также цитат из нее в «Сказании о Мамаевом побоище»), но и данные текста «Слова о полку Игореве». Из центральной части «Задонщины» следует устранить позднейшие вставки, вторичность которых доказывается тем, что они «разрезают текст, слабо связаны с ним и нарушают естественный ход изложения».²

4. В центральной части «Задонщины» необходима перестановка: находящийся явно не на месте отрывок «Черна земля под копыты... Русь великая одолеша Мамаея на поле Куликове» или даже начиная его раньше — «Ударишас[я] копи[я] [харалужныя] о доспехи татарскыя... Русь великая одолеша Мамаея на поле Куликове» — надо перенести значительно дальше, в описание разгрома русскими татарских полчищ, примерно, после слов: «Уже бо въстал тур на боронь», перед словами: «Тогда князь полки поганых [вспять] поворотил».³

5. Для реконструкции заключительной части «Задонщины», мне кажется, предпочтительнее взять за основу И-1, тот самый список, который положен в основу издания реконструированной центральной части.

Кроме того, я думаю, что в авторском оригинале «Задонщины» заключительная часть энергичнее и ярче выражала похвалу князьям-победите-

¹ К этому выводу пришла, как видно было выше, и В. П. Адрианова-Перетц, хотя не без колебаний и оговорок. Во всяком случае, если в первом варианте своей реконструкции авторского текста она ограничивала его только центральной частью, без предисловия и заключения, то во втором варианте добавила уже предисловие и эпизод о бегстве Мамаея, а в третий ввела целиком и заключение. Ср. замечание Д. С. Лихачева, что С. К. Шамбинаго в своей реконструкции текста «Задонщины» (в 1906 году) «без достаточных оснований отбросил вступительную и заключительную части Задонщины» (Д. С. Лихачев *Задонщина*, стр. 97, прим.; разрядка наша — А. Н.).

² Труды ОДРЛ, VI, стр. 204.

³ См. об этом выше, стр. 559—560.

лям и подчеркивала их воинскую доблесть. В сохранившихся списках этот момент в значительной мере ослаблен.

6. Последняя попытка В. П. Адриановой-Перетц воссоздать текст «Задонщины» «в наиболее близком к авторскому оригиналу чтении»,¹ мне кажется, действительно наиболее приближается к поставленной цели — как в смысле первоначального объема и состава памятника, так и в смысле выбора чтений для всех его частей. Я предпочел бы только (как только что было указано в п. 5) в основу реконструкции заключительной части положить *И-1* и, кроме того, считал бы нужным внести ряд частных изменений в предположительный авторский текст — применительно к тем критическим указаниям, которые были сделаны выше, при рассмотрении второго и третьего вариантов реконструированного авторского текста Софонии.

7. Однако, как и всякая попытка реконструкции первоначального текста при недостаточном количестве и неудовлетворительном качестве сохранившихся списков, принадлежащие В. П. Адриановой-Перетц опыты реконструкции авторского текста «Задонщины» не лишены известной субъективности в определении ее составных частей и в выборе чтений² и являются в конечном счете в значительной мере гипотетическими.

8. Само собой разумеется, что многие спорные вопросы, касающиеся окончательного установления объема и состава первоначального текста «Задонщины», а также первоначального вида некоторых отдельных чтений могли бы быть с большей точностью разрешены только при самом тщательном сравнительном изучении «Задонщины», «Летописной повести» и «Сказания о Мамаевом побоище», для чего необходимо предварительное обстоятельное изучение и двух последних памятников, связанных с Куликовской битвой.³

* * *

Как уже было сказано выше (стр. 546), даже в советском литературоведении идейная сторона «Задонщины» — осмысление в ней недавно пережитого события исключительной важности, исключительного политического и исторического значения — разгрома татарских полчищ объединенными силами русских княжеств во главе с Москвой — очень долгое время не получала надлежащего освещения или даже вовсе выпадала из поля зрения исследователей, искавших в «Задонщине» прежде всего текстуальные и стилистические точки соприкосновения со «Словом о полку Игореве».

Таким образом, Д. С. Лихачев в своей посвященной «Задонщине» статье 1941 года⁴ имел все основания сказать, что «попыток определения исторической концепции, выраженной в Задонщине, до сих пор не дела-

¹ Воинские повести древней Руси, стр. 258. Реконструированный текст см на стр. 33—41.

² Эта субъективность особенно заметна при последовательном рассмотрении всех трех попыток реконструкции авторского текста «Задонщины», предпринятых В. П. Адриановой-Перетц на протяжении 1943—1949 годов.

³ Осенью 1953 года в ИРЛИ АН СССР Л. А. Дмитриевым была защищена диссертация на тему «Сказание о Мамаевом побоище». Как видно из автореферата диссертации (Л. А. Дмитриев. Сказание о Мамаевом побоище. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук, Л., 1953, 19 стр.), в ней устанавливается значительное влияние «Задонщины» уже на первоначальный текст «Сказания», а затем и на его позднейшие списки и редакции. С другой стороны, в поздних списках «Задонщины» встречаются такие места, которые явно восходят к «Сказанию о Мамаевом побоище».

⁴ Д. С. Лихачев. Задонщина. — Литературная учеба, 1941, № 3, стр. 87—100

лось, и произведение это всегда рассматривалось как простое подражание «Слову о полку Игореве».¹

Впервые «вопрос о своеобразной исторической концепции этого замечательного произведения» был с наибольшей полнотой поставлен Д. С. Лихачевым в двух близких по содержанию статьях: только что названной и другой — «Возрождение исторических традиций и победа на Куликовом поле», представляющей одну из глав его книги «Национальное самосознание древней Руси».² В обеих этих статьях автор связывает «своеобразную историческую концепцию» «Задонщины» с «движением исторической мысли того времени», прежде всего — с «историческими схемами московского летописания конца XIV—начала XV века».³

Уже в XIV—начале XV века, в тяжелых условиях татарского ига, передовые, лучшие русские люди того времени думали о судьбах своей родины, о ее освобождении, о ее былом могуществе и славе, и мысль их упорно устремлялась в прошлое, к тому далекому времени, когда Русь была единой и независимой, когда она была свободной. Это не было уходом от действительной жизни, от современности, наоборот: обращение к прошлому, к временам могущества и независимости родины, к произведениям, где эта идея единства и независимости, мощи Русской земли звучала особенно громко, — усиливало стремление к борьбе за свободу и укрепляло волю к победе над поработителями. «Обращение к старине носило, таким образом, в конце XIV—начале XV века глубоко прогрессивный характер».⁴

Работа московских летописцев конца XIV—начала XV века приобретает крупное государственное значение, так как, осуществляя «политику собирания Русской земли в единое государственное целое, Москва нуждалась в идеологическом обосновании своих действий, в реальном возрождении исконной летописной идеи о единстве Русской земли».⁵ В такой исторической обстановке усиленное внимание стала привлекать к себе Повесть временных лет, — она читалась и переписывалась, причем изображенные в ней события далекого прошлого переосмыслились и «применялись в определенном смысле к событиям современности»; ее призывы к борьбе с половцами «воспринимались как призывы к борьбе с татарами», и «летописец не без умысла менял эти названия, сопоставляя тех и других как общих врагов русской независимости».⁶

Можно сказать, что «вся русская культура конца XIV—начала XV века пронизана духом любви к славному прошлому своей родины», и не одни русские книжники того времени были увлечены темами русской истории: «к прошлому Руси обращаются и русская живопись и русская архитектура».⁷ «Это обращение во всех областях культурной жизни Руси конца XIV—начала XV в. ко временам независимости вызвало к жизни оригинальную историческую теорию, символически противопоставившую начало и конец татаро-монгольского ига. Читая и перечитывая Слово о полку Игореве, как перечитывались в конце XIV в. Повесть временных лет, Киево-Печерский патерик, „Сказания о рязанском разорении“... древнерусский книжник усмотрел в событиях Слова начало татаро-мон-

¹ Д. С. Лихачев. Задонщина, стр. 87.

² Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. М.—Л., 1945, стр. 68—81.

³ Д. С. Лихачев. Задонщина, стр. 87.

⁴ Там же, стр. 88.

⁵ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 70.

⁶ Там же, стр. 71.

⁷ Там же, стр. 70.

гольского ига».¹ Известную роль здесь могло сыграть «самое отождествление половцев и татар, типичное для московских летописных сводов».²

«Такой взгляд на Слово о полку Игореве как на произведение о начале татаро-монгольского ига побудил вскоре же после Куликовской победы противопоставить ему произведение о конце татаро-монгольского ига. Таким своеобразным „ответом“ на Слово о полку Игореве явилась *Задонщина*».³

По мнению Д. С. Лихачева, с которым, мне кажется, нельзя не согласиться, «автор *Задонщины* имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы — Слова о полку Игореве, не простое подражание его стилю (как это обычно считается), а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, событий, изображенных в *Слове о полку Игореве*, с событиями современной ему действительности».⁴ «В этом сближении событий прошлого и настоящего — пафос исторического замысла *Задонщины*, отразившей обычное в конце XIV—начале XV в. сближение борьбы с половцами и борьбы с татарами, как двух этапов единой, по существу, борьбы со степью, с „диким полем“, за национальную независимость».⁵

Желание пояснить читателю эту основную идею заставило автора «*Задонщины*» предпослать своему произведению специальное «предисловие, составленное в эпически-былинных тонах» и не имеющее себе параллели в «*Слове о полку Игореве*».⁶ В нем автор сперва говорит о татарах, которые «на реце на Каяле одолеша род Афетов (т. е. русских, — А. Н.)», и о русской земле, которая с тех пор «сидит невесела, от Калатский [Каяльский] рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачушися, чады своя поминаючи», а дальше приглашает: «Снидемся, братия и друзи и сынове русские, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, возверзем печаль на восточную страну, в Симов жребий (т. е. на татар, — А. Н.)».

Все последующее изложение — описание Куликовской битвы и связанных с нею событий — как раз и имеет в виду, по идейно-художественному замыслу автора, «возвеселить Русскую землю» и «звергнуть печаль» на страну татар.⁷

Автор «*Задонщины*», исходя из типичных для его времени исторических воззрений, считает, что начало татарского ига связано с поражением Игоря Новгород-Северского на реке Каяле, и намеренно противопоставляет в своем произведении этой злополучной битве битву на Дону, намеренно сопоставляет и как бы отождествляет Каялу с Калкой, а половцев с татарами.⁸ В итоге получается бросающееся в глаза внешнее, стилистическое сходство «*Задонщины*» со «*Словом о полку Игореве*», в котором надо видеть не результат творческого бессилия автора «*Задонщины*», а вполне сознательный художественный прием: «на фоне стилистического единства Слова и *Задонщины* ярче и острее должно было казаться самое противопоставление двух событий — прошлого и настоящего».⁹

¹ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 76

² Там же, см. также прим. 1.

³ Там же (разрядка наша, — А. Н.).

⁴ Там же, стр. 76; Д. С. Лихачев. *Задонщина*, стр. 91.

⁵ Д. С. Лихачев. *Задонщина*, стр. 91.

⁶ Д. С. Лихачев. 1) Национальное самосознание древней Руси, стр. 76; 2) *Задонщина*, стр. 93.

⁷ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси, стр. 76—77.

⁸ Там же, стр. 77—78.

⁹ Там же, стр. 78.

Это истолкование идейного содержания и идейной направленности «Задонщины», предложенное Д. С. Лихачевым в упомянутых двух статьях 1941 и 1945 годов, убедительно аргументированное историческими, литературными и историко-культурными данными, встретило признание со стороны других авторитетных советских литературоведов, специалистов по древней русской литературе, например, со стороны В. П. Адриановой-Перетц¹ и Н. К. Гудзия.²

Надо сказать, что подробно изложенная здесь трактовка Д. С. Лихачевым идейной стороны «Задонщины» имеет значение и при рассмотрении и решении вопроса о первоначальном составе этого памятника, так как она лишний раз — и с большой убедительностью — доказывает, что в авторском оригинале было, должно было быть известное нам теперь предисловие, дающее своеобразную «установку», целеустремленность всему произведению, раскрывающее его глубокий и оригинальный идейный замысел.

* * *

На сегодня уже можно считать общепризнанным, что «Задонщина» не является простым подражанием стилю «Слова о полку Игореве», бессознательным использованием его художественных сокровищ, а представляет сознательное, глубоко продуманное обращение к величайшему памятнику древней русской литературы для воплощения своеобразной широкой исторической концепции, связывающей и противопоставляющей события отдаленного прошлого с живыми событиями настоящего. Это позволяет «говорить о самостоятельном характере заимствований Софония из „Слова о полку Игореве“ соответственно смыслу нового сюжета»,³ т. е. соответственно его собственному оригинальному поэтическому замыслу.

Наблюдения ряда исследователей, особенно В. П. Адриановой-Перетц⁴ и В. Ф. Ржиги,⁵ достаточно убедительно говорят о том, что Софония свободно обращался с художественным материалом «Слова», видоизменяя его, в одних частях своего произведения используя его больше, в других — значительно меньше, а иной раз в одном эпизоде «Задонщины» комбинируя отрывки из разных частей «Слова». Эти наблюдения, мне кажется, могли бы быть расширены и продолжены для выяснения полной картины взаимоотношения обоих памятников и для окончательного раскрытия своеобразия и самостоятельности Софония как писателя в его отношениях к «Слову».

Точно так же более детального и всестороннего освещения требует вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов «Задонщины», которые никак не могут быть объяснены одними данными «Слова». В но-

¹ В. П. Адрианова-Перетц. Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина) В кн.: Воинские повести древней Руси, стр. 154—159; отчасти также в работе В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 135—137, 177.

² Н. К. Гудзий. Зарождение и становление Московской литературы. Вестник Московского университета, 1947, № 9, стр. 102—103; см. также: Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 3-е, М., 1945, стр. 241—242 (то же и в последующих изданиях: четвертом — 1950, стр. 219 и пятом — 1953, стр. 221). Эта точка зрения принята и акад. М. Н. Тихомировым, см.: История Москвы, I. М., 1952, стр. 75—76 (со ссылкой на статью В. П. Адриановой-Перетц в книге «Воинские повести древней Руси»).

³ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 27

⁴ В. П. Адрианова-Перетц. 1) «Слово о полку Игоревім» і «Задонщина», стр. 149—156; 2) Слово о Куликовской битве Софония рязанца (Задонщина), стр. 161—164.

⁵ В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 27, 31, 33—35.

вой социально-исторической обстановке, в условиях уже несколько видоизмененного сравнительно с концом XII века характера и строя устнопоэтической речи, автор «Задонщины» нередко отходил от «Слова» и шел своими путями. Так, прежде всего необходимость пояснить читателю свое понимание исторических событий прошлого и настоящего потребовала от Софонии дать особое «предисловие», «вступление», не имеющее ничего общего со вступлением «Слова»: начало его рисует беседу великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом и воеводами на пиру и, возможно, навеяно традиционной картиной пира, открывающей многие былины.¹ Во всяком случае эта начальная картина носит на себе черты эпического былинного стиля.

Народно-песенный ритм и образы устной поэзии отчетливо выступают в разговоре перед началом битвы двух богатырей иноков — Осляби и Пересвета — и в самой их обрисовке, причем в древнейшем списке — К-Б 1470-х годов — Пересвет не просто «поскакивает на борзе кони», а изображается народно-сказочными чертами: «хоробрый Пересвет поскакивает на своем в шем сивце».

Типичными для былинного стиля являются и выражение «таково слово», встречающееся во всех списках «Задонщины», кроме Синодального, и эпическая формула «старым повесть, а младым память» (К-Б), и ряд других.

Автор «Задонщины» очень широко, гораздо чаще, чем «Слово о полку Игореве», пользуется формулами отрицательного параллелизма — не только в их двухчленной форме (в «Слове» всего три случая: «не буря соколы занесе...», «не бологомъ бяхуть посѣяни...», «а не сорокы втрое скоташа...»), но и в трехчленной, которой «Слово» почти не знает (единственный случай — в зачине, где говорится о Бояне: «Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй... Боянъ же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пушаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладше...»). Именно этих трехчленных отрицательных сравнений, построенных в стиле устной народной поэзии, в «Задонщине» особенно много.

Характерно, что даже такой типичный для «Слова о полку Игореве» оборот: «Что ми шумить, что ми звенить далече рано предъ зорями? Игорь плкы заворочаеть...» — в одном из списков «Задонщины» (древнейшем) перестроен в народнопоэтический оборот по типу трехчленных отрицательных сравнений: вместо «Что шумит, что гремит рано пред зорями? Князь Владимир полкы (в оригинале испорчено: паки, — А. Н.) уставливает и пребирает и ведет к Дону великому» списка ГИМ № 2060, конца XVI—начала XVII века, в К-Б 1470-х годов читаем: «Уже бо стук стучить и гром гремит рано пред зорею. То ти не стук стучить, ни громъ гремит, князь Володимир Ондреевич ведет вои свои, сторожевыя полкы к быстрому Дону».

Песенно-былинные параллели к этому месту:

Не шум шумит, не гром гремит,
Молодой Турчин полон делит.

¹ И. П. Хрущов указывал даже, что «была былина о том, как Дмитрий узнает о нахождении Мамая. Песня эта начиналась пиром у тысяцкого Миккулы (разрядка наша, — А. Н.). Среди пира возговорил великий князь и стал вызывать охотников идти к татарам добывать языка» (И. П. Хрущов. О памятниках, прославивших Куликовскую битву. Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. I, Киев, 1879, стр. 76). Однако он ничего не сообщил, что это за былина, где она опубликована, откуда ему известна.

Сходство начального эпизода «Задонщины» с былинным зачином отмечал также А. А. Потебня (Слово о полку Игореве. Изд. 2-е, Харьков, 1914, стр. 162).

Не стук стучит во чистом поле,
 Не гром гремит во раздольице,
 Едет старый Илья Муромец...

— были указаны А. Смирновым еще в 1879 году.¹

Известную самостоятельность «Задонщина» проявляет и в выборе так называемых постоянных, народных эпитетов. Дон постоянно сопровождается эпитетом «быстрый», которого не встречаем в «Слове о полку Игореве» (там обычно — «синий»); не знает «Слово» и такого обычного в народной поэзии оборота, как «сырая земля», между тем как в списке «Задонщины» ГИМ № 3045, конца XV—начала XVI века, в жалобах разгромленных и бегущих татар читаем: «Уже нам... катун (жен, — А. Н.) своих не трепати, а трепати нам сырая земля». В ряде случаев отдельные символы и образы, встречающиеся и в «Задонщине» и в «Слове о полку Игореве», «Задонщина» использует по-своему, совершенно не так, как «Слово»; например, гуси и лебеди в ней — всегда символ врагов. Воинская символика «Задонщины» очень близка к былинной.

Мне кажется, что если бы собрать воедино все подобные приведенным здесь случаи самостоятельного, не «по Слову о полку Игореве», использования в «Задонщине» народнопоэтических средств, вопрос о степени оригинальности устнопоэтических элементов этого памятника мог бы быть разрешен с достаточной достоверностью. Соответствующий материал частично уже собран и пути для его изучения намечены в нескольких из старых работ и в названных выше работах последних лет В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Ржиги. Осложняющим моментом будет, конечно, то, что не всегда легко, а порой, может быть, и не всегда возможно будет установить, какие именно особенности народнопоэтического стиля были уже в оригинале «Задонщины», принадлежат самому Софонии, а какие появились в процессе дальнейшей литературной жизни памятника, в его позднейших списках.

* * *

Что касается хронологического приурочения «Задонщины», то С. К. Шамбинаго и в своей монографии 1906 года и через 40 лет в статье, помещенной в «Истории русской литературы», издаваемой Академией Наук СССР,² отнес ее «к началу XV века». К этому же времени относил «Задонщину» и его рецензент — академик А. А. Шахматов.³ Такая датировка побудила общее признание и надолго утвердилась как в специальных работах, посвященных «Задонщине»,⁴ так и в общих курсах древней русской литературы.⁵

¹ А. Смирнов. О Слове о полку Игореве, вып. II. Воронеж, 1879, стр. 164. Об этом см. также: В. Ф. Ржига, ук. соч., стр. 28.

² История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 211.

³ Отчет о двенадцатом присуждении премий митр. Макария в 1907 г. СПб, 1910, стр. 149—150.

⁴ Например, В. П. Адрианова-Перетц в работе 1947 года «„Слово о полку Игореве“ и „Задонщина“» называет Софонию «автором начала XV в.» (стр. 138), а в работе 1948 года «Задонщина» (Труды ОДРЛ, VI, стр. 208) — «книжником XV в.»; здесь же о «Задонщине» говорится как о «повести XV в.» (стр. 208). Д. С. Лихачев в книге «Национальное самосознание древней Руси» и В. Ф. Ржига в работе «Слово Софония рязанца о Куликовской битве» совершенно не касаются вопроса о хронологии «Задонщины».

⁵ Ср. в различных изданиях учебника Н. К. Гудзия «История древней русской литературы»: «Задонщина» возникла «в начале XV в.» (изд. 2-е, 1941, стр. 228), «возникновение Задонщины следует относить к началу XV в., возможно даже к концу XIV» (изд. 3-е, 1945, стр. 237), «...к началу XV в., вернее даже к концу XIV» (изд. 4-е, 1950, стр. 218), «возникновение Задонщины следует отнести к концу XIV в.» (изд. 5-е, 1953, стр. 215). Никакой аргументации при изменении датировок нет.

Попытку уточнить общепринятую датировку сделал в 1942 году Л. А. Творогов, высказавший предположение, что автор «Задонщины» был «попом жившего в 1407—1408 годах в Пскове сына Дмитрия Донского князя Константина Дмитриевича»;¹ там будто именно в эти годы и была создана «Задонщина». Однако вскоре была выдвинута совершенно новая гипотеза, относящая «Задонщину» к последним десятилетиям XIV века и даже пытающаяся точно установить год ее возникновения.

М. Н. Тихомиров, касаясь в своей книге «Древняя Москва» вопроса о хронологическом приурочении «Задонщины», обратил внимание на то, что в перечне далеких зарубежных городов, куда «шибла слава» после победы «Руси великой, одолевшей Мамаю на поле Куликове», упоминается древняя столица Болгарии Тырново. Известно, что Тырново был завоеван турками в 1393 году. «Значит, — говорит М. Н. Тихомиров, — первоначальный текст Задонщины составлен был не позднее этого года».² Дальнейшее уточнение даты возникновения «Задонщины» исследователь считает возможным сделать на основании хронологической выкладки в самом ее тексте, где промежуток времени от битвы на Калке («от Калагьския рати» — список ГИМ № 2060, конца XVI—начала XVII века, «от Калатские рати» — список Унд. № 632, середины XVII века) до Мамаева побоища ошибочно определяется в 160 лет вместо 156. По этому поводу М. Н. Тихомиров говорит: «Конечно, можно предполагать ошибку в исчислении времени, но ничто не мешает нам видеть в этом и определенное датирующее указание на время составления памятника, относящееся к 1384 году».³

Последний довод мне кажется очень мало убедительным. Гораздо естественнее видеть здесь случайную ошибку в вычислении, а не сознательное продление счета до 1384 года, который как раз и не соответствовал подлинной дате «Мамаева побоища», безусловно хорошо известной автору «Задонщины». Но главная уязвимость предложенного прикрепления «Задонщины» к 1384 году заключается не в этом, а в том, что хотя использованная М. Н. Тихомировым хронологическая выкладка находится во всех списках памятника, ее никак нельзя признать органической частью первоначального текста «Задонщины»; она здесь явно не на месте и совершенно не связана с контекстом. Вот почему я считаю безусловно верным замечание по поводу этой хронологической справки в «Задонщине», сделанное В. П. Адриановой-Перетц еще в 1947 году: «вторичность ее несомненна, так как она искусственно разрезает текст».⁴

Другое дело — упоминание о Тырнове, дающее возможность датировать «Задонщину» временем не позже 1393 года. Наличие его, хотя и в несколько искаженном виде, в трех полных списках памятника⁵ дает

¹ Л. А. Творогов Слово о полку Игореве Новосибирск, 1942, стр. 42. Об этой попытке дважды сообщает В. П. Адрианова-Перетц в своих работах о Задонщине (Труды ОДРЛ, V, стр. 206; Воинские повести древней Руси, 1949, стр. 296), с оговоркой во втором случае, что датировке повести 1407—1408 годами противоречит упоминание в ней Тырнова (см. дальше).

² М. Н. Тихомиров Древняя Москва М., 1947, стр. 202.

³ Там же О гипотезе М. Н. Тихомирова дважды упоминает в своих работах В. П. Адрианова-Перетц (Труды ОДРЛ, V, стр. 222, Воинские повести древней Руси 1949, стр. 296 и 298), не высказывая, впрочем, своего к ней отношения.

⁴ В. П. Адрианова-Перетц «Слово о полку Игоревым» и «Задонщина», стр. 165.

⁵ К Торнаву — ГИМ, конца XVI—начала XVII века; к Которнову — Унд, середины XVII века, к турком — Синод XVII века В К-Б (1470-х годов) этого названия нет, так как именно в этом месте перечень городов перебивается вставкой из «Слова о погыбели Рускыя земли».

основание считать его входившим в первоначальный авторский текст. Да и вообще самую мысль М. Н. Тихомирова приурочить возникновение «Задонщины» к последним десятилетиям XIV века нельзя не признать правильной. Он подкрепляет ее еще и другими соображениями: «... ряд штрихов, разбросанных в Задонщине, говорит о том, что автор ее писал в годы, близкие к Куликовой битве (разрядка моя, — А. Н.). Он был прекрасно осведомлен о жизни московских высших кругов... в Слове (Софонии рязанца, — А. Н.) появляются московские „болярыни“, жены погибших воевод... Надо предполагать хорошую осведомленность автора Задонщины в московских делах, чтобы объяснить этот список боярских жен, интересный и понятный только для современников».¹

Мне кажется, что поддерживая хронологическое приурочение «Задонщины» к последним десятилетиям XIV века, можно было бы выдвинуть еще одно обстоятельство. «Слово», или «Сказание Софония рязанца» («Задонщина»), — это прежде всего, как подчеркивается в сохранившихся заглавиях, «похвала великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу» (Синод., XVII в.), хвалебное повествование о них, «яко победили супостата своего царя Мамаю» (Унд., середины XVII в.), причем в первом же абзаце древнейшего списка (К-Б) подчеркнуто, чем именно они заслужили себе высокую похвалу: «занеже их было мужество и желание за землю русскую и за веру христианскую».

Мотив прославления, похвалы участникам, организаторам и вождям блестящей победы над татарами проходит через всё произведение, отражаясь в различных местах сохранившихся его списков. «Воздадим... великому князю Дмитрию Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Ондреевичю», — призывает автор «Задонщины», и этот призыв писателя-гражданина и патриота и эта похвала были, конечно, при жизни немными по отношению к великому князю московскому, как прижизненна была похвала Игорю Святославичу, князю новгород-северскому, заключающая «Слово о полку Игореве».² Насквозь проникнутая современностью, близостью к событиям Куликовской битвы, «Задонщина» могла быть создана только при жизни великого князя московского Дмитрия Ивановича Донского, т. е. не позже 1389 года. Для еще более точной датировки мы не имеем сейчас достаточных данных.

Заканчивая свои замечания, связанные с изучением «Задонщины» в послевоенные годы, я должен подчеркнуть то, с чего начал: первостепенную важность решения проблемы текста «Задонщины», необходимость прежде всего, несмотря на всю сложность и трудность этой работы, попытаться с максимальной долей вероятности восстановить ее первоначальный текст. Каких бы других вопросов, проблем, связанных с «Задонщиной», мы ни касались, — проблемы ли идейной направленности «Задонщины», заложенной в ней исторической концепции, вопроса ли об оригинальности ее устнопоэтических элементов, вопроса об авторе или времени создания и т. д. — все они, в конце концов, упираются именно в эту основную проблему текста. И мне кажется, что сделанные в настоящей статье замечания и наблюдения только лишний раз подтверждают это.

¹ М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 201.

² Напомню, что, по моему мнению, в оригинале «Задонщины» полнее и ярче, чем в сохранившихся списках, заключительная часть выражала похвалу князьям-победителям и прославляла их воинскую доблесть. См. выше, стр. 567—568.